

Каррерас умеет делать свое дело красиво, с достоинством гранда.

Фото ИТАР-ТАСС

От Каррераса до конкурса красоты

*Независимая - 2004
- 7 июня - с. 8*

Грозят ли Дому музыки концерты Николая Баскова

Андрей Хрипин

После Хворостовского, Скворцова и Гулегиной и в ожидании Дамы Кири Те Канава свою очередь в июньском вокальном натиске отпел Хосе Каррерас, выступивший с единственным «неаполитанским» концертом в Доме музыки в сопровождении спиваковского НФО, которым продирижировал молодой племянник звезды Давид Хименес (маэстро с привлекательной внешностью киногероя сорвал изрядные аплодисменты не только за нее, но и за фрагменты из хачатуряновского «Спартак» и испанских сарсуэлов). А если мыслить декоративно, то концерт Каррераса неким символическим образом закольцевал в нынешнем сезоне серию мемориальных визитов трех выдающихся теноров эпохи, плавно уходящих в историю.

Чисто по-человечески Первостольная любит Каррераса, пожалуй, даже больше Паваротти и Доминго и начиная с 1989 года уже, наверное, сбилась со счета его приезды – она всегда рада элегантному испанскому дону с любым репертуаром, в любом пространстве (от Большого театра до Красной площади и Гостиного Двора) и в любом окружении (от «крестной матери» в искусстве Монсеррат Кабалье до безголосых попсовых манекенщиц вроде Эммы Шаплин). И Каррерас платит взаимностью – в Москве с ее недоразвитой гастрольной инфраструктурой он пел

куда чаще и куда сердечнее, чем его «старшие братья» по теноровой троице.

Во все времена было принято искать блох у великих, тем паче на «закате богов». Но, несмотря на свои бархатные сумерки, Каррерас настолько не заслужил подобной процедуры, что любая музыкальная критика должна молчать перед удивительной судьбой и душевной красотой этого большого человека. Каррерас – истинный феникс оперы, восставший из смертельного пепла

в профессии и еще почти на 10 лет занять прежние позиции на изрядно помолодевшем рынке вокальной силы.

Каррерас всегда делал свое дело красиво, с достоинством гранда. Он знает свои возможности и, как настоящий профессионал, не станет браться за то, что не сможет сделать хорошо и качественно. Сейчас он почти не выступает в опере (последней его новой ролью в конце 90-х был раритет «Слай» Вольфа-Феррари) и главным образом поет «популярные»

друг и партнер певца по сцене Николай Гяуров, память которого по просьбе Каррераса зал почтил минутой молчания.

Отметивший недавно 30 лет в профессии, 58-летний Каррерас поет сегодня то, что может петь. Конечно, это спрос и предложение, скажем так, не для высоколобых снобов и развращенных вокальных гурманов, тем более не для специалистов и профессионалов. По сути это самая настоящая эстрада домохозяек, расцветающих под Баскова, и для богатых, любящих престижные тузовки. (Из той же серии, видимо, и «кремлевский концерт» Хворостовского на Красной площади с ариями, военной патристикой и президентом вперемешку.) Но не окажется ли со временем так (в порядке гипотезы), что, по крупным ставкам свои академические выходы, ММДМ сможет когда-нибудь выгодно предоставить свою сцену не только под корпоративные вечеринки Rolex'a с участием Паваротти, но и под эстрадные мероприятия или конкурсы красоты? В консерватории, к слову, уже не раз пели и Николай Басков, и Александр Малинин, и некий бизнесмен, рекламками которого были обклеены в прошлом сезоне внутренности вагонов метро и которому хватило денег выкупить Большой зал аж на несколько своих «концертов». Вряд ли Концертхаус в Вене или Карнеги-холл в Нью-Йорке могут себе позволить подобное. Впрочем, это уже тема другой статьи.

Сегодня Каррерас поет то, что может, и то, чего ждет от него широкая публика

лейкемии. Страшный диагноз был поставлен в 1987 году во время обычного посещения дантиста, а уже в 1990-м он пел в первом шоу трех теноров в термах Каракаллы, которое было задумано как салют коллег в честь его возвращения, но и как сбор средств в пользу созданного Каррерасом фонда по борьбе с лейкемией. Ясно, что все можно объяснить чудесами современной медицины, но этот случай говорит и о безграничной сверхчеловеческой силе, и о нечеловеческой воле, и, конечно, о чем-то мистическом, что нельзя объяснить словами. Причем главное чудо было в том, что певец смог вторично родиться

концерты по всему свету. По репертуару, в который, к сожалению, большей частью входили второстепенные неаполитанские песни, кое-что испанское из нового альбома «Энергия» и даже «Был у Христа-младенца сад» Чайковского на французском, московский рецитал мэтра носил ненавязчиво легкий, развлекательный, но и слегка траурно-ностальгический характер. Ностальгия дымком легкой грусти шептала нам, что прежнего Каррераса, которого мы знаем по записям, больше не будет. Траурность в выступлении кумира внесла все та же неумолимая жизнь – накануне концерта скончался